

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1:271.1

ВЛИЯНИЕ ДЕВИАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И КОММУНИКАТИВНОЙ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ НА РЕЧЬ В СМИ И СИСТЕМУ ЯЗЫКА

М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина

Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, margarita-kormil@mail.ru

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, skunak@mail.ru

В статье рассматриваются этапы развития русского языка от свободных девиаций в прошлом до влияния на изменения в системе языка СМИ и Интернета в XXI в. Отмечается, что свободные девиации системы в условиях жизни с Интернетом становятся неосуществимыми, а зависимость от степени компетентности пользователей все возрастает.

Ключевые слова: русский язык, девиация, язык СМИ, Интернет, факты и факторы изменений.

The Impact of the Language System Deviation and Communicative Incompetence of Journalists on Mass Media Speech and the System of Language

M. A. Kormilitsyna, O. B. Sirotinina

Margarita A. Kormilitsyna, ORCID 0000-0003-3841-3647, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, margarita-kormil@mail.ru

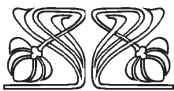
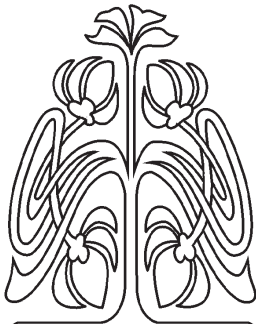
Olga B. Sirotinina, ORCID 0000-0002-3258-4536, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, skunak@mail.ru

The article considers the stages of the Russian language development from the free deviations in the past to the influence on the changes in the system of the mass media language and the Internet in the XXIst century. It is noted that the free deviations of the system in the conditions of living with the Internet are becoming unfeasible, and an ever growing reliance on the users' competence degree can be observed.

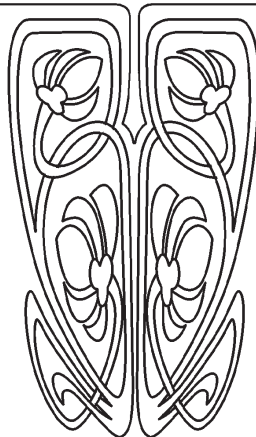
Key words: Russian language, deviation, mass media language, Internet, facts and factors of changes.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-131

Девиации системы языка хорошо известны лингвистам, особенно изучающим историю языков и судьбу близкородственных языков. Яркую роль девиаций в своих работах с применением теории множеств показал Т. П. Ломтев на судьбе ъ в славянских диалектах, а потом и языках. Т. П. Ломтев, основываясь на равноправии изменений этого и других звуков, закрепившихся впоследствии в разных языках в разных фонемах: украинское ъ → *и*, русское ъ → *е*; сочетания *ор*, *ер* в южнославянских языках, превратившиеся в *ра*, в западнославянских в *ро*, в восточнославянских в *оро*, *ере* (град–Гродно–город и т. д.), исследовал именно девиации¹. Очевидно, что в древние времена, тем более дописьменные, огромную роль в разнонаправленности девиаций играли расстояния: в процессе увеличения численности по мере удаления племен друг от друга терялась возможность постоянного общения, и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

поколение за поколением подхватывало разнонаправленные изменения. В фонетике это раньше всего ь, носовые гласные, смягчения согласных. Но такая разнонаправленность касается не только фонетических расхождений (см., например, работы Г. Г. Полищук о разных соотношениях согласованных и несогласованных определений в восточнославянских языках)².

С появлением письменности разнонаправленность девиаций получает свое материальное воплощение и разные нормы начинают не только формироваться, но и закрепляться в написании, нередко очень отличавшемся от реального звучания. Отсюда длительное сохранение носовых гласных, букв ь, твердого знака в конце слов (теперь оканчивающихся на твердый согласный), хотя редуцированные гласные фактически перестали произноситься и тем самым вызвали перестройку чуть ли не всей не только фонетической, но и морфологической системы еще за шесть веков до орфографической реформы 1918 г.

Закрепленные на письме нормы породили обучение им, а постепенно и их осмысление, а следовательно, и возможность их кодификации. Это вызвало понятие языковой компетентности/некомпетентности первоначально как грамотности и неграмотности, поскольку ориентация шла на письменную речь вплоть до середины XX в., хотя уже А. С. Пушкин понимал, что письменная и устная речь различаются принципиально, и специально указывал на это. Фактически он не только отметил эти различия, но и основал в художественной речи послепушкинской поры разграничение авторской речи и речи персонажей как стилизации устной речи. Лингвисты же осознали эти различия только больше века спустя³.

В результате ориентации на письменную речь сформировались нормы грамотного использования языка (устные нормы заметил только А. С. Пушкин благодаря своей гениальности). Язык стал передаваться не просто от поколения к поколению, но и осваиваться по памятникам письменности, появились письменная, а потом и печатная художественная литература, жития святых, своды законов (уложений) и даже грамматики. XIX век окончательно «погасил» свободные девиации системы.

Влияние соседних языков тоже усилилось и расширилось за пределы непосредственного соседства. На Руси особую роль сыграло так называемое второе южнославянское влияние (первое – с принятием христианской веры при князе Владимире, а второе – уже в период Владимир-Суздальской Руси и возвышения Москвы). Отсюда средневековый наплыв в русский язык старославянских и роль А. С. Пушкина в разграничении использования старославянских и русских вариантов (*град* и *город*, за *здравие* и *здоровье* и т. д.).

XIX век – век господства языковой компетентности в написании ь, языковых норм, ори-

ентированных прежде всего на письменную речь художественной литературы. Стилизация устной речи персонажей у многих писателей, в том числе у Л. Н. Толстого, не столько отвечает нормам устной речи, сколько создает речевую характеристику персонажей.

XX век ознаменовался «выходом на сцену» неграмотных масс. В результате, во-первых, была проведена радикальная орфографическая реформа. Во-вторых, расширился за счет не очень образованных людей состав популярных писателей. В-третьих, сначала изменился круг пишущих в газеты и читающих газеты благодаря успехам борьбы с неграмотностью (массовый ликбез). С широким распространением радио, а во II половине XX в. и телевидения влияние на нормы перешло от художественной литературы к СМИ. Однако прежняя ориентация на письменную речь не только сохранилась, но даже усилилась, поддержанная цензурой всего и вся: на радио и телевидении звучала не говоримая речь, а озвученная (читаемая по отцензурированным текстам) письменная речь. И это несмотря на уже понятые лингвистами принципиальные различия как порождения, так и восприятия письменной и устной речи и вопреки попыткам что-то изменить после специального постановления ЦК КПСС об усилении устной пропаганды (появились «устные» передачи «Сегодня в мире» и «Международная панорама» с имитацией говорения).

По-настоящему говоримая речь зазвучала в СМИ только в 1990-е гг. в результате перестройки под влиянием разных факторов (технические достижения, отмена предварительной цензуры, изменения законодательства). В звучащих СМИ с тех пор все расширяется объем говоримой речи в прямом эфире. Однако в 90-е гг. это завоевание обернулось огромным злом для языка. Опытные журналисты умели выразительно читать подготовленный и отцензурированный текст, соблюдая все кодифицированные нормы ударения, произношения и интонирования, но не умели говорить в прямом эфире. Их заменили на раскованных, но не имеющих специальной журналистской или хотя бы филологической подготовки. Некоторые из них с годами приобрели необходимые навыки и знания (С. Сорокина, В. Соловьев) и стали мастерами прямого эфира. Но большинство (даже в начале XXI в. 1/3 журналистов была без высшего образования) никакого представления не имело о структуре русского языка, его истории и необходимости соблюдения норм литературного языка и даже проявляло элементарное невежество. Так, например, А. Разбаш, которому доверили вести телепередачи «Час пик», упорно не соблюдал нормы ударения, утверждал, что *сам русский язык придумали болгары*. Незабвенный Владислав Листьев отмахивался от интервьюируемого ученого, пытавшегося поправить его: *Возбудитель холеры не вирус, а вибрион*, и услышавшего, как и все телезрители, в ответ: *Не все ли равно*. А один из

спецкоров, забыв школьные уроки химии, говорил, что *щелочь с серной кислотой образовали в канистре раствор, который взорвался*, и т. д. и т. п.

К тому же СМИ осознанно в борьбе с советским новоязом стали ориентироваться на речь масс. Вся страна слушала трансляции Съезда народных депутатов, в которых нередко не очень сведущие в нормах литературного языка депутаты «поправлялись» под горбачевское неправильное (*надо нАчать*), а некоторые уверенно использовали свойственные им *хочем* и *хочут*. В результате в языковом сознании масс пользователей русского языка все это принималось за норму⁴. Полуграмотная речь не только звучала, но и печаталась в газетах (*Надысь премьер-министр Англии совершил вояж в США*). У некоторых лингвистов появились даже сомнения в том, что русский язык сохранится под натиском варваризации и жаргонизации⁵. Способствовала таким сомнениям господствующая в 1990-е гг. практика переизданий не нормативных словарей, а словаря В. И. Даля («Словарь живого великорусского языка», к тому же середины XIX в.), словарей жаргонов, лагерной фени. Мат был детабуирован: печатался, свободно произносился (статья О. Б. Сиротининой под заголовком «Мат в художественной литературе – преступление» вышла в «Общей газете» с заглавием «Мат – лекарство от стресса»).

Спасло русский язык создание в конце 1995 г. Совета по русскому языку при Президенте РФ (потом при Правительстве) во главе с премьер-министром. Советом была разработана Федеральная целевая программа (ФЦП), в рамках которой начали издаваться нормативные словари, финансироваться исследования, курс «Русский язык и культура речи» вошел как обязательный в федеральный компонент вузовского обучения, совместно с Государственной думой был разработан Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Статус государственного в нем имеет только литературный русский язык, на котором и должны осуществляться обучение, законодательство, работа СМИ. Мат в общественных местах был запрещен. Работа Совета на этом в 2003 г. завершилась (теперь он снова возобновлен при Президенте), но ФЦП продолжалась.

Мониторинг речи в СМИ показывает, что с 2005 г. (Закон был опубликован 3 января 2005 г.) начался процесс самоочищения⁶. Ему способствовали приход новых журналистов – выпускников специальных факультетов и отделений, повышение квалификации журналистов, приобретение опыта теми, кто пришел в СМИ в перестроечные годы.

Естественно, что в новых условиях жизни (глобализации и криминализации, которая до сих пор не изжита) литературный язык очень изменился. Он пополнился необходимой (к сожалению, не только необходимой) лексикой, обозначающей новые реалии жизни: *риелторы, брокеры, дилеры,*

краудфандинг, консалтинг, джип, йогурт, пармезан. Из криминального жаргона в профессионализмы литературного языка перешли *стрелка, разборки, криминальные авторитеты*, из сленга – *прикольнo, круто, тусовка, продвинутый* и т. д. Не во всех случаях в пополнении была нужда. Некоторые «пополнители» не содержали новых оттенков значения. Поэтому уже почти не употребляется *тинейджер*, в конце XX в. вытеснивший русское *подросток*, но появилось *краудфандинг*, а чем оно лучше *народного финансирования*? Только своей однословностью? К сожалению, задержалось *аккурат*, хотя нужды в нем явно нет при наличии литературных *точно, как раз*.

Вряд ли эти изменения можно назвать девиацией лексической системы, как и в случае с распространившимися *приедьте, поедьте* вместо *приезжайте, поезжайте* в морфологической.

Сейчас основную роль во всех изменениях играет степень компетентности/некомпетентности, в том числе в знании английского языка. В условиях глобализации мира и роли в нем английского языка это приводит к излишней варваризации русского языка, причем с изменением адаптации с транслитерации на произносительную ориентацию (отсюда *консалтинговые фирмы, услуги* при старом и распространенном *консультация*, новое *краудфандинг* при сохранившемся *фонд*).

Недостаточная компетентность в русском языке и его нормах приводит к распространению через СМИ, которые воспринимаются как эталон правильной речи, явных ошибок. Даже в речи С. Шаргунова и С. Брилева звучат неправильные формы повелительного наклонения *приедьте, проедьте, поедьте*. Единичны формы III лица мн. ч. глагола *читать* – *чтут*, как правило, звучит и печатается форма *чтят*, уже разрешенная словарями. Фактически вытеснен глагол *надеть*, во многом по ассоциации с существительным *одежда* в речи очень культурных людей господствует *одеть* (даже у лингвистов). Не в речи журналистов, но в СМИ постоянно звучит *квАртал* (30.05.2017 зафиксировано и в речи А. Кондрашова в телепередаче «Вести»). В речи В. В. Путина, в целом редко отклоняющегося от кодифицированных норм и конвенционально сложившихся норм речевого поведения, звучит только *обеспечЕние*, хотя, как он сказал на объединенном заседании советов по культуре, он знает, что правильно *обеспЕчение* (журналисты эту норму соблюдают).

Новые условия распространения СМИ (к радио, ТВ добавился мгновенный и интерактивный Интернет) способствуют невероятному ускорению всех процессов. Если раньше девиации развивались веками, то теперь многое меняется за месяц (в мониторинге речи в СМИ это очень заметно), а СМИ, особенно Интернет, влияют на речь масс неосознаваемо. Но еще важнее и страшнее само влияние речи в СМИ на речь масс, которая в свою очередь влияет на СМИ, и получается

замкнутый круг. Быстрое реагирование системы языка поддержано вечным стремлением человека к экономии умственных усилий, отсюда появление, мгновенное распространение, превращение в модное употребление некоторых новых слов. Совсем недавно в СМИ появилось слово *МЕМ*. Сначала только о человеке, публично известном, потом о чем угодно, обсуждаемом и в Интернете, теперь слово *МЕМ* в СМИ употребляется постоянно. Оно стало модным, потому что очень емко и диффузно, без особых усилий как адресанта, так и адресата обозначает то, что сейчас важно, обсуждаемо, привлекает к себе общее внимание⁷. Недаром словарь модных слов куда, разумеется, вошло и слово *МЕМ*, выдержал уже два издания, второе было очень расширено за счет появления новых модных слов⁸.

Со всем этим связан активизировавшийся процесс диффузии лексики, использование одного более диффузного изначально или приобретающего отсутствовавшую диффузность слова. Употребление *схожий* вместо различающихся *сходный–похожий–подобный*; *одеть* без разграничения на себя (*надеть*) или кого-то + *одежда*; *довольно* при диффузии *достаточно* (без указания *для чего* и не только в функции предиката); *прикольный* и *продвинутый*, заменяющие собой целый ряд разнородных признаков чего-либо. Это и процесс возрождаемого синкретизма дискурсивной и однозначной лексики (с синтаксической функцией члена предложения)⁹.

Стремление к экономии умственных и речевых усилий особенно ярко проявляется в Интернете с реактивностью, а не продуманностью комментариев пользователей. Мгновенная реакция, во-первых, исключает продумывание, во-вторых, осуществляет экономию усилий (особенно ярко это проявляется в использовании лайков, а не слов, тем более предложений), в-третьих, пока еще существующая анонимность позволяет не стесняться использования грубой лексики, любых окказионализмов. Сидение в Интернете поглощает все свободное время пользователей языка, подменяя в их сознании обдумывание на мгновенную реакцию, вырабатывая привычку не формировать свои мысли, а только выражать мгновенно возникшую реакцию. Влияние Интернета поэтому не только ускоряет языковые процессы, но в результате отучает пользователей строить связные тексты, обедняет их лексикон, а как следствие в конечном итоге и систему языка (беднеют синонимические ряды, диффузы вытесняют слова с четким сигнификатом и конкретным референтом-денотатом)¹⁰.

Свободные девиации системы в условиях жизни с Интернетом становятся неосуществимыми, а зависимость от степени компетентности пользователей все возрастает. Казалось бы, компетентность в конвенциональных нормах речевого поведения и кодифицированных нормах языка должны в силу их легкой через Интернет до-

стижимости возрастать. Однако это свойственно только носителям полнофункционального типа речевой культуры, а для пользователей в лучшем случае характерна среднелитературная речевая культура, а то и обиходная, даже арготичная и просторечная. Но пользователей русским языком, несомненно, больше, чем носителей языковых норм. Вот и получается, что судьба языка выпадает из-под влияния речи полнофункционального типа речевой культуры и начинает зависеть от пользователей языком.

Сейчас снова сформировали Совет по русскому языку при Президенте, создали Общество русской словесности во главе с Патриархом, начаты перемены в школьном образовании (введено сочинение, изменены задания ЕГЭ). Но хватит ли этого? Переселят ли они влияние Интернета? Тем более что оно поддержано и невысокой компетентностью (или невысокой ответственностью за судьбу языка?) журналистов теперь уже и традиционных газет, радио, ТВ.

Г. Я. Солганик не без основания считает, что в XXI в. язык СМИ подменил в сознании пользователя языка литературный русский язык, объединив в нем его упрощенную (за счет минимизации функционально-стилевой дифференциации и норм культуры общения) систему с нелитературными речевыми компонентами национального языка¹¹. Особенно ярко это новое языковое единство заметно в соцсетях Интернета. Современные СМИ вместе с Интернетом практикуют фактически все виды человеческой коммуникации, зачастую подменяя собой естественное общение. Они стали настолько разнообразны (перечень только государственных СМИ без региональных и частных занял целую полосу «Российской газеты» за 31.12.2017). В результате удовлетворяются потребности пользователей в новостях, политике, несмотря на законодательный запрет вторжения в частную жизнь людей, они переполнены сплетнями о личной жизни («Судьба человека», «Пусть говорят», «Прямой эфир», «Жена» и др.).

Меньше всего передач и статей познавательных, больше всего – развлекательных, при этом процессы жаргонизации, криминализации и лексического обеднения языка СМИ сопровождаются и другими негативными явлениями.

Наблюдение за речью в современных СМИ позволяют говорить о двух активных процессах в новостных сообщениях, информационных заметках, интервью, особенно с представителями власти: обезличивания информации о событиях и фактах, обезличивания оценок и усиления личностного начала.

С одной стороны, публикации все больше напоминают ушедший «канцелярит», новояз советской эпохи с его штампованностью, неопределенностью, обилием неясных высказываний, размытостью смысла. Мы видим в СМИ массу стереотипных клишированных конструкций, столь свойственных официальному языку чи-

новников и содержащих формальные неопределенные характеристики предлагаемых властью «мер»: *В социальном блоке правительства сейчас обсуждается широкий набор возможных мер в этой сфере, оценивается их эффективность с учетом бюджетных возможностей* («Российская газета», 20.09.2016). Журналистам приходится «переводить» для массового читателя сказанное представителем власти. Вот пример одного такого журналистского «перевода»: *«В случае если бы наблюдался дефицит на продовольственную пшеницу 3-го класса, цена бы росла на это зерно и поднялась выше 10,5 тыс. рублей за тонну», – заверили в ведомстве. Переводя с птичьего языка на русский: «мы не знаем: какие у нас запасы муки высокого класса. Просто смотрим на ценник»* («Аргументы недели», 06.10.2016).

Такие фразы затрудняют восприятие информации с первого прочтения, способствуют денотативной размытости передаваемой информации, делают информацию «пустой», плохо понятной. Фактически такие конструкции представляют собой устойчивые идеологические или экономические штампы. Журналисты сетуют на обилие в новостных материалах о деятельности властных структур красивых общих слов и фраз, таких как *смягчение региональной поляризации, сокращение дифференциации по уровню доходов*, но, тем не менее, продолжают употреблять их в своих материалах. «Красивые общие слова» порой скрывают истинное положение дел и в конечном счете используются для сознательного стремления манипулировать сознанием потребителей СМИ. Передаваемая информация приобретает безличный облик, а журналист получает возможность не указывать главное действующее лицо события или по незнанию, или из-за неуверенности в достоверности имеющихся у него сведений о деятеле, или потому, что по каким-то причинам не хочет его называть. Он представляет деятеля или как обобщенное лицо (власть вообще и люди вокруг нее, власть и ее свита), или как неведомую силу, назвать которую не представляется возможным: *В списке претензий регулятора уже ставшие привычными в таких случаях нарушения банковского и отмывочного законодательства, неадекватная оценка рисков (у Росинтербанка она привела к полной утрате собственных средств), просрочка по обязательствам перед кредиторами* («Российская газета», 20.09.2016). Общественно-политические процессы подаются как не зависящие от воли человека: *При существовавшем построении дела денежные средства по дороге к организациям, оказывавшим непосредственные услуги, «усыхали» и не всегда доходили до непосредственных исполнителей.* <...> *Процедура «расшивки» долгов за предыдущие годы путем оплаты причитающихся денежных средств напрямую субподрядчикам не может идти безболезненно* («Московский комсомолец», 31.10.2013). В этом

фрагменте присутствуют безагентивные предложения разных типов, в том числе предложения с номинализированными, метонимическими конструкциями. Следует, вероятно, говорить о процессе, который условно можно назвать «бюрократизацией» языка СМИ. Особенно он заметен, как мы уже отмечали, в информационных жанрах, для создания которых порой используются почти дословно переданные, не адаптированные для масс пресс-релизы с решениями властных структур, избыточные канцеляризмами, стереотипными конструкциями, формальными неопределенными характеристиками, столь свойственными официальному языку чиновников: *Положение в этих регионах стабилизируется. Правительство РФ, Совет Федерации, органы власти субъектов продолжают работу над совершенствованием государственной политики.* <...> *Предлагаются меры стимулирования активности регионов* («Аргументы и Факты», 2016, № 43).

Рассмотренные нами примеры увеличения доли стандартных обезличенных конструкций в новостных сообщениях и многочисленных интервью с представителями власти демонстрируют сдвиг в сторону стандарта, штампованности, что снижает эффективность медиатекстов, качество передаваемой информации, а следовательно, и ее воздействующий эффект¹².

Обратный процесс – сдвиг в сторону излишней субъективности, подчеркнутой демонстрации журналистской личностной позиции, иногда неоправданного «украшательства» выразительными средствами – наблюдается в информационно-аналитических, публицистических текстах, авторских колонках, эссе. «Творческое своеобразие предполагает новизну и оригинальность, неожиданность, небанальность, что может касаться как смысловой, так и стилистической стороны речи»¹³. Критериями оценки фактов речевого творчества обычно считаются новизна, неожиданность, оригинальность, полезность, целесообразность, выразительность, запоминаемость, легкость для воспроизведения и некоторые другие¹⁴. Однако нужны серьезные причины, позволяющие журналисту изменять значения слов, их сочетаемость, использовать наращивания смысла, трансформировать фразеологизмы. Ситуация конкуренции, в которой находятся СМИ, особенно газеты, очень часто заставляет журналистов искать какие-то броские, необычные языковые средства для выражения своих мыслей, позволяющие им выделиться из круга похожих изданий, любой ценой заставить читателя обратить на себя внимание. Но поиски необычного в условиях беспредельной свободы при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводят к ухудшению качества передаваемой информации (к ее неопределенности, неточности и даже недостоверности), фамильярности, развязности тона, ерничанью в изложении даже серьезных, а порой и трагических событий.

Конечно, выразительность медиатекстов – необходимое условие выполнения воздействующей функции. Журналисту важно в процессе передачи информации установить контакт с массовым адресатом, привлечь его внимание, заинтересовать (а порой и заинтриговать) обсуждаемой проблемой. Но при этом нельзя забывать, что нужно быть очень осторожным, чтобы в погоне за выразительностью не нарушить не только речевых, но и этических и эстетических норм. Стремление к выразительности не может быть достигнуто ценой разрушения норм вообще, так как это может привести к разрушению традиций и целостности культуры.

Перенасыщенность текста разнообразными тропами может восприниматься как стремление журналиста к «новизне» во что бы то ни стало и способна серьезно ухудшить качество информации, а непонимание из-за незнания рождает раздражение. Те же риски вызывает и перенасыщение текста просторечными словами, жаргонизмами, которые могут снижать качество медиатекстов и помешать СМИ выполнять их просветительскую функцию – позитивно влиять на речевую культуру общества.

Негативно влияет на речь в СМИ и несоблюдение конвенциональных и даже кодифицированных этических, риторических и собственно коммуникативных норм речевого поведения участниками распространившихся в последнее время телевизионных ток-шоу, правда, не до такой степени, как в Интернете. А ведь эти программы занимают большой сегмент коммуникативного пространства, имеют высокие рейтинги, а следовательно, оказывают большое влияние на речь и коммуникативную культуру общества.

Участникам такого типа передач особенно важно уметь дискутировать, соблюдая правила кооперативного речевого поведения: не перебивать друг друга, не кричать, аргументировать свою точку зрения, всячески показывать уважение к собеседнику, слушать его, стараться понять, а не демонстрировать настоящую «коммуникативную глухоту». К сожалению, участники современных общественно-политических телешоу постоянно демонстрируют неуважение к оппонентам, нетолерантность, излишнюю категоричность, безапелляционность. Участники ток-шоу не стремятся к гармонизации общения и не ищут компромиссов. В качестве аргументов своей позиции они чаще всего используют не рациональные и фактические, а эмоциональные. Самой частотной тактикой речевого общения становится «навешивание ярлыков». Такое впечатление, что свою цель участники обсуждения видят в необходимости любой ценой переспорить оппонента, используя для этого запрещенные в публичной дискуссии грубые приемы, оскорбления, приводящие к унижению оппонента. Вот несколько показательных реплик участников полемики:

Я Вас не перебивал! (одна из самых частотных реплик); *Дайте договорить!*; *Вы ничего не понимаете!*; *Охамел совсем!*; *Этот бред слушать невозможно. Вы покрываете убийцу!* и т. д. При этом используется масса невербальных средств, усиливающих эмоциональный накал спора. Каждый участник обсуждения старается проговорить свой аргумент как можно быстрее: он боится, что его перебьют, и совсем, конечно, не думает о том, поймет ли его телезритель, следящий за ожесточенной полемикой и одновременными выкриками ее участников. Ведущий программы «Первая студия» Артем Шейнин вынужден даже выходить из студии, чтобы обратиться к телезрителям с такими словами: «Вы все равно ничего не поймете из этого крика, пусть они немного остынут – реклама». Раскованность (точнее даже коммуникативная распушенность) поражает¹⁵.

К сожалению, такое же речевое поведение демонстрируют не только гости студии, но и многие ведущие анализируемых программ, даже очень опытные. Они забывают о высокой ответственности за речевую культуру общества в целом, о том, что в числе прочих их задача состоит и в просвещении, воспитании, по меткому выражению В. Г. Костомарова, «языкового вкуса эпохи».

Особенно поражают многочисленные нарушения этических норм, проявляющиеся не только в отсутствии уважения друг к другу, но и, самое главное, к массовому адресату – потребителю СМИ. Участники ток-шоу и их ведущие нередко не только не помогают массовому адресату, да и самим участникам дискуссии, а скорее мешают разобраться в сути проблемы и найти пути решения сложных вопросов, которые ставит жизнь. В такой обстановке не может быть речи о воздействии на опосредованного адресата, т. е. о выполнении основной цели любых средств массовой коммуникации. Все это подрывает авторитет телевидения (а оно вместе с Интернетом, повторим еще раз, сейчас является наиболее востребованным средством получения информации), создает атмосферу недоверия к такому посреднику между властью и народом, как СМИ, а значит, и к самой власти.

Создается впечатление, что мы разучились спорить и искать истину в споре. Наблюдая за разворачивающимися между коммуникантами настоящими «боями», «ожесточенными» полемиками, понимаешь, сколь важны в таких ситуациях общая культура и достаточный для эффективного общения уровень коммуникативной компетентности и журналистов, и экспертов-политологов, и приглашенных в качестве экспертов представителей власти. Эти передачи идут по всем каналам каждый день. Подготовиться к ним основательно мешает элементарная нехватка времени. Качественное шоу могут провести эффективно только профессионалы с высоким уровнем речевой культуры, с отработанными до автоматизма навыками эффективной коммуникации. Их, к сожалению, у нас мало.

Перебивать и говорить одновременно стали даже на канале «Культура», чего раньше не было. На радио, особенно в передаче «Особое мнение» радиостанции «Эхо Москвы», звучит не только своя точка зрения, но журналист нередко перебивает говорящего, оба не стесняются грубости. В газетах журналисты, конечно, сдержаннее, но в оппозиционных текстах раскованность нередко свободу мнения заменяет свободой выражения без оглядки на законодательство. В «соблюдающих» законы о СМИ текстах из-за стремления избежать судебной ответственности, как мы уже отмечали, процветает обезличенная информация (*говорят, считают, считается, безымянные эксперты, депутаты, в правительстве* и т. п.), которая нередко превращается в отсутствие реальной информативности.

Таким образом, с нашей точки зрения, время девиаций языковой системы как основного фактора ее изменения осталось в далеком прошлом. С появлением письменности начинается осознаваемое обучение, общение на расстоянии и на века, требующее выработки норм, гасящих возможность девиаций. И даже в обозримом прошлом основным фактором изменений становится кодификация по выбору нормализаторов и учета степени компетентности/некомпетентности в нормах данного периода большинства говорящих на этом языке или их части, которая характеризуеться наибольшей речевой активностью (писатели, журналисты, а еще раньше – писцы)¹⁶.

В XXI в. речевая активность переместилась в Интернет, и большинство пользователей языком (по терминологии Г. П. Нецименко) являются не носителями языковых норм, от речи которых зависит судьба языка, а именно пользователями. Отсюда очень высокая значимость степени их языковой и речевой компетентности, так как результаты их речевой активности начали влиять на выбор нормализаторами фактов для закрепления в качестве норм. Речевые факты большинства населения уже получают закрепление в нормативных словарях. В них фиксируются: профессиональные нормы медиков, юристов; сдвиг ударения на первый слог (*включить, твою, форма чтят* и т. д.); перевод тех или иных слов из разряда просторечных или арголических в разговорные (*схожий*) и даже нейтральные (*беспредел, разборки*) и т. д.¹⁷

Этот процесс проходит три этапа: сначала отступление от норм закрепляется как допустимое, потом без такой пометы просто размещается на втором месте, а на третьей стадии даже перемещается на первое место. Так, если еще недавно словари давали *одноверемно* и *одноверемно*, то теперь второе переместилось на первое место. И в словарях для работников радио и телевидения ударение на третьем слоге дается даже как единственно разрешенное¹⁸.

Несомненно, в современных изменениях норм играет роль и само расширение возможности восприятия речи пользователей. Это не

только доступность радио, телевидения, чего не было даже в конце XX в., теперь и Интернета с их все возрастающей интерактивностью, но и расширение круга людей с профессиональной речевой активностью, но без нужной языковой компетентности в среде медиков, юристов, депутатов-законодателей¹⁹. Плохую роль сыграли и изменения в школьном и вузовском образовании, ослабившие внимание к языку (были убраны сочинения, устные экзамены заменило ЕГЭ, из обязательного компонента вузовского образования убран курс «Русский язык и культура речи»), очень подорожали словари.

Следы «оптимизаций» дают о себе знать. В 2007 г. один из авторов данной статьи утверждал, что судьба языка зависит от нас всех, каждого говорящего на русском языке²⁰. Теперь к этому можно добавить, что во многом судьба русского языка зависит и от условий жизни в стране, имея в виду образование, просвещение (языкового в СМИ очень мало, а публичные лекции фактически давно исчезли), стоимости издаваемых пособий и словарей, степени компетентности журналистов. Без соответствующей активности лингвистов и откликов на эту активность органов власти засорение и обеднение нашего языка продолжится.

Нельзя свободу мнений превращать в свободу выражения, нужно заботиться о сохранении своего языка, его богатейших возможностей, добиваться сокращения количества его пользователей и расширения носителей, т. е. повышать уровень языковой компетентности говорящих и пишущих на русском языке, поменьше сидеть в соцсетях и не забывать классическую русскую литературу, следуя завету А. П. Чехова учиться писать у М. Ю. Лермонтова.

Примечания

- ¹ См.: *Ломтев Т.* К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка // *Язык и человек* : сб. ст. М., 1970. С. 167–192 ; *Его же.* Фонология современного русского языка на основе теории множеств. М., 1972 ; *Его же.* Общее и русское языкознание. Избранные работы. М., 1976.
- ² См.: *Полищук Г.* Синонимика атрибутивных словосочетаний в восточнославянских языках // *Развитие синтаксических конструкций в русском литературном языке XVIII века* : сб. ст. / науч. ред. Н. А. Широкова. Казань, 1972. С. 8–14 ; *Ее же.* Стилевое функционирование генитивных словосочетаний в восточнославянских языках // *Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков* / отв. ред. В. И. Кононенко. Киев, 1981. С. 244–258 ; *Ее же.* Необходимые и факультативные определения в русском языке : коммуникативная и конструктивная роль. Саратов, 2011.
- ³ См.: *Пушкин А.* Письмо к издателю // *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М. ; Л., 1949. С. 435–442.
- ⁴ См.: *Нецименко Г.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации :

- Проблемы, тенденции развития // *Вопр. языкознания*. 2001. № 1. С. 98–132.
- ⁵ См.: *Данн Дж.* О функциях «английского» в современном русском языке // *Russistik* (Берлин), 1997. № 1/2. С. 27–36; *Дуличенко А.* Русский язык конца XX столетия. München, 1994.
- ⁶ См.: *Сиротинина О.* Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.
- ⁷ В «Словаре языка Интернета» под ред. М. Кронгауза (М., 2016. 288 с.) на с. 200 читаем: «МЕМ, интернет-мем – короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т. п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в Интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях. От английского термина «мем», введенного британским популяризатором науки Ричардом Докинзом в 1976 году. Со словом *мем* связаны слова *меметизироваться* (стать мемом), *меметизация* (превращение в мем). Используются также разговорные варианты *мемчик* и *мемес*. При воспроизведении мема исходное значение может модифицироваться и расширяться, что создает пространство для языковой игры. Классический мем 2006 года “Трэвед, медвед!” выражает не только то, что кого-то застали врасплох, но и целый ряд других смыслов».
- ⁸ См.: *Новиков Вл.* Словарь модных слов. М., 2012; *Его же.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М., 2016. (Словари для интеллектуальных гурманов.)
- ⁹ См.: *Викторова Е.* Вспомогательная система дискурса. Саратов, 2015.
- ¹⁰ См.: *Сиротинина О., Матяшевская А.* К чему может привести экономия речевых усилий в коммуникации на русском языке? // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2016. № 1. С. 150–164.
- ¹¹ См.: *Солганик Г.* Язык СМИ и культура // *Актуальные проблемы стилистики*. 2017. № 3. С. 13–25.
- ¹² См.: *Кормилицына М.* Содержательная неопределенность современных медиатекстов как результат нарушения в них баланса стандарта и творчества // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной*. Саратов, 2016. Вып. 16. С. 16–27.
- ¹³ *Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой*. Изд. 2-е, испр. М., 2007. С. 245.
- ¹⁴ См.: *Копнина Г.* Риторические приемы современного русского литературного языка : Опыт системного описания. М., 2012.
- ¹⁵ См.: *Кормилицына М.* Риски, связанные с нарушениями коммуникативных норм речевого поведения участников официального общения // *Медиапространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского* (Саратов, 1–3 марта 2017 г.). Саратов, 2017. С. 142–148.
- ¹⁶ См.: *Морковкин В., Богачева Г., Луцкая Н.* Большой универсальный словарь русского языка. М., 2016.
- ¹⁷ См.: *Каленчук М., Касаткин Л., Касаткина Р.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века : норма и ее варианты. М., 2012.
- ¹⁸ См.: *Штудинер М.* Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М., 2016. (Словари для интеллектуальных гурманов.)
- ¹⁹ См.: *Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А. Байкулова [и др.] ; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной*. Саратов, 2015.
- ²⁰ См.: *Сиротинина О.* От кого зависит судьба русского языка? // *Русская речь*. 2007. № 1. С. 44–50.

Образец для цитирования:

Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Влияние девиации языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь в СМИ и систему языка // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 124–131. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-131.

Cite this article as:

Kormilitsyna M. A., Sirotnina O. B. The Impact of the Language System Deviation and Communicative Incompetence of Journalists on Mass Media Speech and the System of Language. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 124–131 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-131.